

бессилии классов и политических партий, о том, что в силу совокупности причин оказались неэффективны в ситуации пост-Модерна.

Гражданское общество действительно может выработать консенсус, согласовать частные интересы, но оно не разрешает внутри себя фундаментальные классовые конфликты. Пост-идеологическая политика позволяет наблюдать ситуацию, когда жесткие идеологические дебаты правых и левых закончены, а на выборах побеждает властный популизм. Навязчивость концепции гражданского общества как безусловного политического блага позволяет предположить, что она выполняет некую функцию гиперкомпенсации в идейном поле политики. Гражданское общество восполняет нехватку реальных социальных групп, партий, идеологий. И гражданское общество здесь востребовано в идеологической сфере именно потому, что позволяет в какой-то степени компенсировать отсутствие привычной идеологической реальности Модерна. Но популярность любых интеллектуальных компенсаций не может быть вечной.

От «великих идеологий» к популизму

Еще К. Маркс призвал к концу «критической критики» и практическому действию, изменяющему социально-экономические условия, воспроизводящие ложное сознание. Стратегия открытия и обоснования ложного сознания своих политических противников автоматически вела к дискредитации их теорий, порожденных неистинным сознанием. Нужно было лишь указать на узкий классовый интерес как отсутствие трансцендентного основания в их построениях, раскрыть онтологическую тайну воспроизводства критикуемого типа идеологического сознания, детерминированного экономическими, историческими, культурными условиями своего непрерывного воссоздания. Однако позже этот прием стал все-

общим и вместо конца критики, который прогнозировал Маркс, наступили времена всеобщей, тотальной критики.

В условиях классового общества Модерна зависимость политического сознания от его условий стала явлением нормального порядка, от которого не освобожден никто, в том, числе и первооткрыватели данной истины. К. Мангейм об этом пишет: «Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь *часть высказываний* противника (и только в аспекте *содержания*), то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат), стремясь понять и эти категории, отправляясь от коллективного субъекта»¹. И надежды К. Мангейма на консолидирующую роль «социально свободно парящей» между классами интеллигенции (интеллектуалов)², незашоренных ограниченными классово-идеологическими истинами, естественно, в последующем не оправдались.

В результате идеология как пластичное связующее звено знания и власти обладает способностью к перекодированию научного «кода истины» во вторичный код оправдания власти. Идеология – это форма политического метарассказа эпохи Просвещения и Модерна. До Просвещения экономические, этические, исторические споры традиционно выражались в виде религиозных споров как наиболее универсальной формы. На смену религии пришла идеология как способ ориентации в секуляризованном политическом пространстве.

Классический век идеологии представлял собой борьбу означающих систем за истину референта, единственно возможную его интерпретацию. Аксиома единствен-

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 57.

² Там же. С. 132.

ной истины указывает на позитивистский характер этой борьбы. Миной замедленного действия стало то, что идеология отказалась от трансцендентных ценностей и базировалась только на секулярных, земных, имманентных ценностях, которые, как оказалось, можно было полностью реализовать в исторический период. Овеществленные, реализованные ценности перестают быть таковыми, превращаясь в часть реальности, в вещи, в обыденное. А профанная, обесцененная политика неполна, в том смысле, что является лишь частью целого, частью кода профанное/сакральное, где последний элемент, чем сильнее его отрицают, тем мощнее проявляется как проклятая сторона вещей, грозящая разрушить зыбкое идеологическое статус-кво.

Более того, сам человек становится частью реальности, как то, что есть, а не то, что могло бы быть (существо сакрального порядка). Человек ощущает это давление как то, что превосходит его Я, будь то внешняя стихия природы или техники, внутреннее ощущение Другого, Сверх-Я, совесть, долг, архетип, судьба, бог. Чем стабильнее реальность, тем сильнее это давление, тяга к нереальному, небытию, недостижимому, стремление к целостности, или – в терминологии К.-Г. Юнга – к «Самости», которая как психическая реальность «осознается лишь частично, в остальном же включает в себя также и жизнь бессознательного, а потому является непредставимой и выразимой лишь через символы»¹. Но на новый синтез идеология как стержневая политическая форма Модерна уже не способна. Поэтому сегодня имеет смысл вести не критику истины одних идеологий с позиций других, но критику идеологии вообще, как формы политической рефлексии, претендующей на исключительность и доминирование.

Сегодня все чаще политическая борьба ведется не за референта, а за означающее и воображаемое в повестке дня,

¹ Юнг К.-Г. Ответ Иову. М., 1995. С. 58.

что указывает на герменевтический крен политики. Постмодернизм симулирует идеологию, но только как чистый знак, лишенный каких бы то ни было своих исторических, онтологических содержаний и референтов.

Исторические пределы идеологии как политической формы метарассказа проявляется: а) в кризисе базовой позитивистской модели политической науки, тесно связанной с доминирующим властным субъектом, заинтересованным в консервации социально-политического статус-кво; б) в недоверии к политической онтологии – сомнительности и неуниверсальности вечных политических законов, теорий, ценностей, сформулированных европейским Просвещением и реализованных/нереализованных Модерном; в) в кризисе привычных субъектов в виде политических классов, фрагментируемых обществом потребления.

Кризис модернистских партий и классов

В конце XX – начале XXI в. в мире происходит подспудная трансформация классических легитимирующих постулатов и институтов модернистских политических систем. Поэтому в настоящее время описание актуальной российской политики в категориях классово-идеологического Модерна является ложным и непознавательным: «Число “жестких” сторонников политических партий в США и Великобритании по сравнению с 1960-ми гг. сократилось с 40 и 44%, соответственно, до 30 и 16%. Членство в политических партиях также сокращается. Например, в Великобритании с середины 1970-х гг. до начала 1990-х гг. доля избирателей – членов партий уменьшилась с 5% до менее чем 2,5%; в Германии – с 4 до 3%. Динамика численности профсоюзов тоже красноречива: если взять 1985 г. за 100%, то в США она упала к 1997 г. до 80,5%, в Великобритании до 75,8%, в ФРГ до 66%»¹.

¹ *Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 76.*

Наивно было бы полагать, что избиратели не замечают своей неспособности влиять на политические решения. Так, 75% россиян считают демократические процедуры и выборы формальностью, 66% убеждены, что от граждан власть не зависит. Только около 3% респондентов считают, что демократия подразумевает подчинение меньшинства решениям большинства, и только 6,2% готовы к участию в общественных делах. Кроме того, 62,6% опрошенных уверенно выступают за силовое изъятие у “новых русских” несправедно нажитых богатств¹.

Как это ни парадоксально, но советские «безальтернативные» выборы, не обладая многими формальными признаками демократичности, тем не менее были субъективно гораздо более значимыми в плане легитимации социального порядка как для избирателей, так и для самой власти. Об этом красноречиво свидетельствуют реальные проценты явки на выборы, превышавшие 98% от численности избирателей. Особенно разителен этот контраст в сравнении с постсоветским перманентным кризисом представительной демократии, когда при соблюдении всех должных процедур, полной свободе выборщиков и наличии альтернатив выбора² сами выборы зачастую проваливаются именно по причине неявки избирателей. Правда, от этого нашли противоядие в виде отмены ценза явки, но легитимности российским выборам это решение конечно не добавило.

Выборы теряют субъективную ценность в глазах населения, не искупаемую и не исчерпываемую соблюдением

¹ Петухов В.А. Демократия в восприятии российского общества. М., 2001. С. 2-7.

² Впрочем, наличие формальных альтернатив и не тождественно реальному выбору. Федеральные, региональные и местные выборы в России иллюстрируют этот факт достаточно красноречиво.

неких «правильных» демократических процедур. Процедура выборов превратилась из завоеванного права в бессмысленные обязанности гражданина, в формальный и абстрактный механизм ритуальной легитимации власти. Этим выборы, собственно, и являются на самом деле в условиях разочарования большинства в магии демократических мифов. Оказалось, что устойчивость российской политической власти не зависит от ее демократичности. Поэтому «демократическое большинство» на выборы просто не ходит. Важным фактором дискредитации политической демократии явился процесс закрытия российской политической элиты: карты в политической колоде стали фактически неизменными, а результат их перетасовки – почти незаметным.

*Трансформации постсоветского
партийно-политического поля*

1. Классические модернистские партии опирающиеся на идеологии, отражающие интересы конкретных социальных групп (АПР, КПРФ), проигрывают в мегаполисах, где побеждают популистские политические технологии влияния на общество в целом – СПС, Родина, «Справедливая Россия», «Единая Россия». Причем топологический раскол четко соответствует идейному расколу. Российская глубинка ментально еще находится в идеологическом модерне, в то время как в крупных мегаполисах доминируют пост-модернистские модели политической идентификации.

2. Всеобщей политической стратегией в условиях «после идеологий» является популизм. Он не-идеологичен, то есть уже не озвучивает идеологических интересов ограниченных социальных групп. Популизм архаичен, поскольку в его основе лежит объяснительная структура политического мифа, связанная с «индивидуализацией социального». Популизм эффективен, когда политический миф можно отождествить со здравым смыслом, самоочевидным (докси-

ческим) мнением большинства. Отсюда целевая установка не на определенную социальную группу, а на завоевание общества в целом. Популизм – это игра ожиданиями политических масс, их страхами, мифами, мечтами и т.п.

Основная задача популизма – не борьба за идеологически «правильное» бытие, а производство комфортного сознания. Герменевтический крен пост-идеологической политики состоит в том, что борьба ведется не за изменение реальности, а за сознание избирателей, то есть «правильную» интерпретацию этой реальности. Популизм манипулятивен, поскольку существующие в обществе помимо элит социальные группы рассматриваются здесь только как объекты политики. Апология эффективности, а не поиск справедливости, лежит в его основании, указывая на элитарный, властно-политический дискурс популизма. Не секрет, что политическая этика элиты обычно ориентирована на эффективность статус-кво, в то время как этика массы – на справедливость. Популизм характерен для самолегитимации элиты, которой, кроме количественной идеи повышения эффективности существующей политической системы, нечего предложить для оправдания вполне ее устраивающего политического порядка настоящего.

Идейная ловушка популизма в том, что появление некой «национальной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики в современном ее понимании и наступление «коммунистического рая», общества без социально-экономических и прочих видов антагонизмов и отчуждения человека. Популизм – это стратегия правящего класса, направленная на сохранение статус-кво. С другой стороны, ключевая политическая проблема большинства, не-элиты, «демоса» – этический вопрос о справедливости. Негативная оценка политического статус-кво превращает идею справедливости в утопию

освобождения путем революций, реформ, выработки национальной идеи и т.п.

Объектом популизма может быть только подготовленная к его «усвоению» политическая масса. Это не значит, что массы не могут быть «бессознательным политическим субъектом» в отличие от «сознательных» социальных групп и классов. Современная масса возникает в пространстве масс-медиа, а не в реальности. Пространство этих новых масс виртуально, как и они сами. Феномен массы сегодня – это установка большинства на политику как на ценностно-нейтральную, параллельную реальность, находящуюся за пределами частных жизненных миров индивидов. Поскольку привычные социальные группы, в рамках которых индивид мог получить доступ к реальной политике, ее целостную интерпретацию, находятся в кризисе, индивид все более отчуждается от политики. Отсюда растущий иммунитет населения к политике.

Относительная автономия политических масс заключается в том, что масса ускользает от идеологических самоопределений, фиксации своей идентичности как ловушки власти. Иначе посредством принятия ею общей идентичности массой можно было бы манипулировать эффективнее, как единым политическим классом.

3. Если традиционные идеологии опираются на реально-онтологические группы и классы, то популистские политические программы состоят из антагонистических идеологических сегментов, что было бы невозможно в условиях идеологического модерна. Эти программы адресованы не социальным группам, а направлены на манипуляцию обществом в целом. Поэтому реальные референты популизму не нужны. Его «план выражения» вполне сознательно не соответствует «плану содержания». Виртуальная сборка (в том числе и реально антагонистических по своим интересам) социальных групп вполне может дать формаль-

ное политическое большинство. Возникает своего рода модель «плюралистической миноритарной демократии», прямо противоположной своему классическому мажоритарному определению – опоре на волю большинства. Однако популистское, некритичное слияние антагонистических фрагментов идеологических парадигм перерастает в синтез только в одном случае: если будет найдено новое основание политической парадигмы, позволяющее переформулировать старые конфликты. Подобным паллиативом пытаются стать концепция общества потребления, легитимируемая идеями политического прагматизма и «среднего класса».

4. Классы, утратившие идеологии, перестают существовать в реальности как политические феномены. Деидеологизация политики подтверждается феноменом «фрагментации политической идентичности». Российскому избирателю при всем желании сложно идентифицироваться с какой-либо «реальной социальной группой», поскольку «новые социальные группы» сами находятся в стадии формирования. Причем в классическом виде они могут вообще не сложиться. В мировом разделении труда классовые границы становятся шире национально-государственных. Фактически целые государства становятся классами труда или капитала.

5. Сегодня можно наблюдать двойной процесс деградации концепта представительности: популистскую «глобализацию» партий, обращающихся ко всему обществу, и локализацию политических идей – как форму поиска опоры у меньшинств, зачастую реально противостоящих друг другу. Происходит четкое разделение политической деятельности, связанной с лоббированием конкретных групп интересов и политических программ, озвучивающих не столько означенные интересы, сколько ожидания и предпочтения политических масс в целом. Проблема здесь не в популизме как следствии, а в крахе концепта представительности власти как причине.

Политика локальных идей, проблем, сообществ, перестав искать ответы на фундаментальные политические вопросы, превращается в конструктор символических идентичностей, где политический выбор осуществляется через присвоение символов выбранной идентичности. Поэтому политическое действие протекает в форме перебора предустановленных вариантов: речь идет не о необходимости рынка, а о его вариантах, не о необходимости демократии, но о ее формах, не о плюсах и минусах концепции потребления, а о свободе выбора товаров, ассоциируемой со свободой вообще и т.п.

Соответственно, выбор избирателем партий, которые не способны выйти на уровень обсуждения фундаментальных идеологических проблем, диктуется уже не близостью некой группы по социально-экономическому положению, а сходством инкорпорированных символов, устанавливающих эту самую общность. Отсюда феномен популистских партий – конструкторов идентичностей. Партии обращаются одновременно к множеству культурных, национальных, языковых, возрастных, религиозных сегментов общества с аналогичными же сегментированными «точечными» программами, где адресатом выступает совокупность меньшинств, образующая механическое большинство.

В условиях «демократии после Модерна»¹ происходит нейтрализация идеологического политического поля. Оно уже не является пространством противостояния жестких идеологий, дающих целостные альтернативные политические картины. Отсюда возникает и та свобода, которой располагают политтехнологи, конструируя проектные партии, идеологии, партийные программы, предпочтения избирателей. Подобное искусственное конструирование возможно лишь тогда, когда идеологии, партии, социальные

¹ *Джохадзе И.* Демократия после Модерна: свобода без выбора // Демократия после Модерна. М.: Практикс, 2006. С. 11-36.

группы исчезают из регистра политической реальности, продолжая функционировать лишь в качестве симулякров. В противном случае противоречие феноменов модерна со своими симулякрами оказалось бы губительным для последних. Поэтому в условиях политической атрофии социальных групп и отсутствия политических субъектов вне власти симуляция идеологических противоречий производится самой властью.

Таким образом, в историческом времени классического Модерна (символически его можно обозначить как период 1789–1991 гг. – от Великой французской буржуазной революции до краха СССР и распада биполярного мира) любое политическое суждение, претендующее на истину, могло опираться только на реальности, выраженные в форме идеологий. Каждая из идеологий претендовала на универсальность. Связь «больших идеологий» с определенными группами общества позволяла им это общество интерпретировать с классовых позиций, но не позволяла встать над обществом.

В условиях «демократии после Модерна» исчезает четкое закрепление идеологических референций за растворяющимися, теряющими свою метафизичность классами и социальными группами. Популизм вытесняет классово-идеологические способы самоописания, подчеркивавших конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение классовых интересов.

Многопартийная партия власти

Идейные новации вроде «суверенной демократии», «вертикали власти» или «национальных проектов» сами по себе не подтверждают наличия у российской элиты целостного проекта, способного укрепить актуальный политический режим. Между тем «управляемая демократия» отли-